

майкл вайс

хасан хасан

ИСЛАМСКОЕ АРМИЯ ТЕРРОРА ГОСУДАРСТВО*

БЕСТСЕЛЕР *THE NEW YORK TIMES*

**Майкл Вайс
Хасан Хасан**

Исламское государство. Армия террора

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12471272

Исламское государство: Армия террора / Майкл Вайс, Хасан Хасан:

Альпина нон-фикшн; Москва; 2016

ISBN 978-5-9614-4068-3

Аннотация

После того как в июне 2014 года «Исламское государство» захватило иракский город Мосул и объявило о создании всемирного халифата, политики, политологи и журналисты разных стран задались вопросами: откуда взялась эта группировка и каковы ее истинные цели? До сих пор мало кто может дать на них четкие ответы. А между тем на сегодняшний день ИГ превратилась в одну из самых опасных организаций в истории человечества и, стерев границы государств, взяла под свой контроль территорию, сравнимую по площади с Великобританией. Массовые казни, этнические чистки, разрушение исторических памятников, официальное возрождение рабства – этот список ее преступлений далеко не полон. Современная цивилизация стоит перед лицом новой

глобальной угрозы. Чтобы остановить ее, необходимо точно знать, что она собой представляет. Журналисты Майкл Вайс и Хасан Хасан не один год вели репортажи из Сирии и Ирака. Их книга написана на основе личного опыта и десятков интервью с бывшими военными и представителями разведслужб США, западными дипломатами, сирийскими и иракскими правозащитниками, боевиками ИГ, агентами-нелегалами, а также простыми жителями региона.

Содержание

Отложенный взрыв	7
Предисловие	14
1. Отец-основатель. Джихад Абу Мусаба Аз-Заркави	29
Мальчик из Зарки	31
Обстановка в Хайятабаде	33
Клаузевиц для террористов	37
Возвращение	40
«Тюрьма стала его университетом»	44
Встреча с Бен Ладеном	47
Враги ближние и дальние	49
Таухид Валь-Джихад	51
«Ансар Аль-Ислам»	54
Нур Ад-Дин и Ирак	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59
Комментарии	

Майкл Вайс, Хасан Хасан

Исламское государство.

Армия террора

Переводчики *Юрий Вейсберг, Наталья Нарциссова*

Редактор *Наталья Нарциссова*

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Корректоры *М. Миловидова, М. Савина*

Дизайн обложки *Ю. Буга*

Фото на обложке *Abaca/Eastnews*

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

© Michael Weiss & Hassan Hassan, 2015

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2016

© Электронное издание. ООО «Альпина Диджитал», 2016

* * *

*Эми и Оле, натерпевшимся от ИГИЛ¹ (да
и от нас) больше, чем надлежит терпеть супругам*

¹ Решением Верховного суда РФ от 29 декабря 2014 г. «Исламское государство» признано террористической организацией, деятельность которой в РФ запрещена.

Отложенный взрыв

Эта книга – об одном из самых зловещих и характерных социально-политических феноменов современности, который привлекает всеобщее внимание и становится едва ли не центром глобальной «большой игры». Группировка «Исламское государство» (напомним, что она признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации), о которой знали в основном специалисты-востоковеды либо аналитики спецслужб, фиксирующие развитие событий на Ближнем Востоке, ворвалась на международный небосклон летом 2014 г. Захват второго по величине иракского города Мосул и дальнейшее победное шествие радикалов по Месопотамии, в результате которого под контролем самопровозглашенного «халифа» Абу Бакра аль-Багдади оказались значительные территории Ирака и Сирии, превратили ИГ в фактор мировой повестки дня.

Хорошая военная подготовка ядра экстремистов, демонстративная и необузданная жестокость, которая ошарашивает даже исламистов прежней генерации, умелая пропагандистская работа не только в регионе, но и на Западе – все это стало крайне неприятным сюрпризом, поставившим в тупик тех, кто призван противостоять натиску. Авторы этой книги – американский и сирийский журналисты, давно следящие за регионом, – добросовестно собрали свиде-

тельства того, как устроена ИГ, откуда она взялась и почему оказалась настолько успешной по сравнению с другими радикальными структурами. Однако помимо экспресс-анализа по горячим следам феномен ИГ, безусловно, требует глубокого осмысления в контексте глобальных перемен, которые случились за последнюю четверть века со времени кризиса и краха СССР, а также первой «войны в прямом эфире» – «Бури в пустыне», целью которой было освобождение Кувейта от иракской оккупации. ИГ – квинтэссенция процессов, которые охватили Ближний Восток в конце XX и особенно в начале XXI в.

Как ни странно, политические бури, прокатившиеся по всему миру на рубеже 1980-х – 1990-х гг., мало затронули Ближний Восток. Во всяком случае они качественно не изменили его институциональное устройство, сложившееся по итогам волн деколонизации сначала после Первой, а потом Второй мировой войны и закрепленное мировой двухполюсной конфронтацией второй половины прошлого столетия. Основой этого устройства служили национальные государства, где-то созданные искусственно, а где-то возникшие естественным путем, и авторитарные светские режимы. Организованы они были по-разному (от абсолютных монархий до республик), но едины в стремлении сдерживать народную стихию и в первую очередь – «несанкционированные» религиозные проявления.

Разделение планеты на два противостоящих военно-идео-

логических блока цементировало сложившуюся модель. Разные лидеры имели возможность выбрать могущественного внешнего покровителя, патронат которого укреплял стабильность режима. Конец холодной войны изменил это положение вещей, поскольку выбора не стало. На мировой арене в целом и на Ближнем Востоке в частности доминировала одна сверхдержава, которой уже не надо было опасаться, что кого-то «уведут» в противостоящий лагерь.

Демократизация, которая случилась в Восточной Европе, на территории бывшего СССР, в Восточной Азии, Латинской Америке и Южной Африке, не затронула Ближний Восток. Важным «блокиратором» на этом пути послужила кровавая гражданская война в Алжире в первой половине 1990-х гг. Перспектива прихода к власти на прямых выборах исламистов привела к реакции военных и тяжелейшим последствиям для страны. Не только сам Алжир обрел серьезный иммунитет к демократическим экспериментам («арабская весна», которая в 2011–2012 гг. бушевала в соседних Тунисе, Ливии, Египте, на него не перекинулась), но и для всего региона алжирская гражданская война стала предостережением.

Система замерла в своем развитии, и проявлением этого стала, например, ситуация в Ираке, где американское вторжение 1991 г. резко ослабило Саддама Хусейна, но не ликвидировало ни его, ни баасистский режим. До конца 1990-х в регионе под воздействием объективных причин копи-

лись факторы дестабилизации, но в основном подспудно и при ограниченном участии внешних игроков. Последние были слишком заняты обустройством нового ландшафта Европы и утверждением общих принципов централизованного доминирования. Хотя тревожные звонки начались еще в конце 90-х гг. (взрывы бен Ладеном американских посольств в Кении и Танзании), гром грянул только в сентябре 2001 г. Атаки на Нью-Йорк и Вашингтон заставили Соединенные Штаты целиком и полностью развернуться к Ближнему Востоку.

С этого момента, а в особенности со второго вторжения в Ирак в 2003 г., началось разрушение того самого устройства, которое сохранилось на предыдущем этапе. Американский поход в регион парадоксален. Его мотивация была вполне прагматична – меры по обеспечению национальной безопасности, поскольку выяснилось, что прямая и явная угроза каждому американцу может исходить даже из той части света, о которой большинство граждан США не имеют ни малейшего понятия. Но в то же время кампания была невероятно идеологизированной, поскольку базировалась на идее, что «демократии не воюют друг с другом», а значит, для того чтобы Америке не угрожали, потенциального злодея нужно демократизировать.

Уже администрация Джорджа Буша, которая взяла на вооружение такой подход, обжегшись о разгоревшийся в Ираке пожар, постепенно начала отходить от откровенного догма-

тизма, а сменившая ее администрация Барака Обамы никогда его и не разделяла. И все же заданный импульс толкнул лавину. Политико-религиозная фрагментация Ирака, победа ХАМАС на свободных выборах в Палестине, раздел Судана, перевороты и войны в Северной Африке в период «арабской весны» – события не вполне равноценные, однако они укладывались в общую канву. Маховик раскручивался постепенно, но вращался все быстрее. Мощный толчок извне, которым стала американская попытка спешной демократизации региона, нарушил и без того уже шаткий внутренний баланс. Политическое развитие, застывшее на предыдущем этапе, попросту взорвалось. И этот взрыв, вероятнее всего, снесет не режимы и даже не государства, а весь тот Ближний Восток, каким мы его знали в XX в.

ИГ отрицает политическое устройство, социальную модель, государственные границы, религиозные установки, международные взаимосвязи, которые определяли ближневосточное бытие в предшествующие десятилетия. Это заявка на тотальную ревизию всего того, на чем держалась «конструкция» региона. Любопытно, что при этом ИГ «впитывает» в себя в первую очередь те элементы, которые стали жертвами изменений, вызванных внешним вмешательством, то есть бенефициаров прежних режимов. Это офицеры саддамовской армии или представители племен, которые в Ливии ориентировались на Каддафи. В некотором смысле – реванш мертвых диктаторов...

Одна из причин победоносного марша ИГ заключается в том, что эта группировка, как таран, врзалась в самую гущу запутанных, подобно клубку змей, противоречий Ближнего Востока. Получилось, что ИГ – при всей своей варварской сущности – все время нужна кому-то для решения тактических задач. Ведь противостояние развивается одновременно по многим линиям – суннитско-шиитская религиозная война, борьба за региональное влияние между целым рядом держав, прежде всего Ираном и Саудовской Аравией, соперничество внешних игроков, в которое в какой-то момент активно вступила Россия, клановые и племенные разбирательства, действия Запада в целом в отношении мусульманского мира... И каждый раз кто-то является непримиримым оппонентом ИГ, а кто-то негласно полагает, что ее деяния в данный момент выгодны. Это не означает, что кто-то управляет ИГ, – напротив, старается подстроиться, чтобы использовать в своих интересах. И как раз в этом наиболее ярко проявляется системный кризис и Ближнего Востока, и мировой структуры управления в целом.

«Исламское государство» как конкретное радикальное образование, скорее всего, не будет бесконечно продолжать свой победоносный марш. К нему уже приковано чересчур большое внимание, и слишком влиятельные силы клянутся остановить радикалов и нанести им поражение. Среди них теперь и Россия. Если кто-то, наконец, всерьез объявит войну ИГ (чего не было как минимум до осени 2015 г.), усто-

ять ей будет трудно. Но даже если ИГ будет отброшена, а то и разгромлена, в долгосрочном плане это уже ничего не изменит. Процесс деконструкции Ближнего Востока идет полным ходом, рано или поздно начнется его воссоздание на новых, пока неизвестных основаниях. Место ИГ быстро займет какой-то другой продукт распада прежнего и рождения нового мира, и так будет продолжаться до тех пор, пока не наступит новый устойчивый баланс – и в регионе, и в мире.

Пока же можно с высокой долей вероятности констатировать, что эпоха «западного», то есть сооруженного по европейским лекалам в эпоху распада империй, Ближнего Востока безвозвратно уходит в прошлое. И едва ли не самым ярким свидетельством этого является исход оттуда беженцев. Не столько тех, кто скрывается от боевых действий, сколько среднего класса, то есть самой вестернизированной, продвинутой прослойки. То ли осознанно, то ли интуитивно эти люди пришли к выводу, что для них будущего в той части мира нет. Стало быть, это будущее построят другие, и, в общем, неважно, будут ли они называть себя Исламским государством или как-то иначе.

Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председатель Совета по внешней и оборонной политике, профессор-исследователь НИУ ВШЭ

Предисловие

В конце 2011 г. Абделаиз Кувейн обратился к своему сирийскому дяде с просьбой устроить ему встречу с Риядом аль-Асадом, полковником сирийских ВВС и одним из первых армейских чинов, порвавших с режимом Башара Асада. Абделаиза, 16-летнего юношу из Бахрейна, обуревало желание принять участие в вооруженном восстании в Сирии, но родители запретили ему даже думать об этом. Однако их запрет его не остановил.

В начале 2012 г. он прилетел в Стамбул, а затем, подобно многим другим иностранным участникам этого вооруженного конфликта, проехав 13 часов на автобусе, оказался на юге Турции, в городе Рейханлы. Перейдя здесь границу, он очутился в Алеппо, северной сирийской провинции, находящейся в руках вооруженных мятежников, противников режима Асада. В течение нескольких недель Абделаиз сражался в рядах умеренных повстанческих группировок, пока не понял, что они слишком коррумпированы и мало на что способны. Покочивая по различным исламистским бригадам, он примкнул к «Ахрар аш-Шам», а затем к «Джабхат ан-Нусра», которые, как позднее выяснилось, были структурами «Аль-Каиды» в Сирии. Заслужив репутацию бесстрашного и глубоко верующего воина, сам Абделаиз тем не менее все больше разочаровывался в своих соото-

варищах-исламистах. К тому же его семья настаивала на том, чтобы он вернулся в Бахрейн. И в конце 2012-го Абделаиз приехал домой. Его мать, едва он переступил порог, первым делом забрала у него паспорт.

«Я хожу по улицам [он имел в виду улицы Бахрейна] и чувствую себя, словно заключенный в камере, – рассказывал Абделаиз после возвращения. Он все еще тосковал по своей миссии святого воителя. – Я как будто связан. У меня такое чувство, словно за мной постоянно следят. Этот мир ничего для меня не значит. Я хочу быть свободным. Я хочу вернуться назад. Люди отдают свои жизни, а в этом и состоит цель существования достойного человека на земле».

В 1980-е семья Абделаиза перебралась в Бахрейн из восточной Сирии. Родители обеспечили ему все возможности для благополучной жизни. «Его отец растил и воспитывал сына правильно, – вспоминал один из родственников. – Он делал все необходимое, чтобы Абделаиз не испытывал нужды ни в чем и занял достойное положение в обществе». По словам родственника, мальчик был «спокойным, благородным и всегда вел себя так, как подобает мужчине».

Пробыв в Бахрейне три месяца, Абделаиз сумел, в конце концов, уговорить мать вернуть ему паспорт. Через три дня он снова отправился в Сирию. Сразу же по прибытии в эту страну Абделаиз стал «подданным» «Исламско-

го государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ)², которое к тому моменту завоевало репутацию наиболее дисциплинированной и хорошо организованной джихадистской группировки в Сирии. Позже Абделаиз говорил, что в те несколько месяцев жизни в Бахрейне он принял решение присоединиться к ИГИЛ после бесед по скайпу с «несколькими братьями», находившимися в Сирии. Его предшествующий опыт общения с другими, идеологически схожими с ИГИЛ исламистскими группировками поспособствовал тому, что он присоединился к структуре, армию которой составляли главным образом иностранцы. Служа ИГИЛ, Абделаиз продвигался вверх по карьерной лестнице, став координатором действий местных эмиров и других повстанческих группировок; затем ему было поручено доставлять сообщения и заключать устные договоренности от имени своего руководителя. Когда летом 2014 г. ИГИЛ захватила огромные территории и в Сирии, и в Ираке, Абделаиз получил повышение. В соответствии с новой должностью он должен был отвечать

² Организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (сокращенно ИГИЛ) больше не существует. Теперь ее официальное название – «Исламское государство». Мы использовали название ИГИЛ просто для удобства, зная о том, что сейчас идут горячие споры по этому поводу. Термин «Даеш», который мы также использовали, представляет собой звуковую аббревиатуру арабского названия «Ад-Дауля аль-Исламия фил Ирак ва Шам» или «Исламское государство Ирака и Аль-Шама». Хотя этот акроним не несет в себе особого смысла, но считается уничижительным из-за жесткости звуков при его произношении. Такое сочетание букв в арабском языке ассоциируется с жестокостью и грубостью.

за безопасность трех городов, расположенных вблизи сирийско-иракского приграничного города Альбу-Камаль, который служил коридором между двумя странами. Им пользовались люди, подобные ему самому.

В ИГИЛ Абделазизу неожиданно пришли в голову несколько новых мыслей относительно себя самого. Он понял, что показал себя сильным, жестоким и решительным человеком. Он отрубал врагам головы. Он держал в доме езидскую³ девушку, которая была его *сабийей*, т. е. секс-рабыней. Девушка была дана ему в награду за участие в боях против воинов пешмерга⁴ и других курдских боевиков в иракском Синджаре у границы с Сирией. По сообщению пропагандистского журнала ИГИЛ «Дабик», пятая часть всех секс-рабынь, взятых в Синджаре, была распределена среди руководящего состава ИГИЛ, и обладатели этих девушек могли обойтись с ними по своему усмотрению. Остальные пленницы, считавшиеся военными трофеями, были распределены среди рядового и сержантского состава армии, то есть между такими вояками, как Абделазиз.

Он показал нам фотографию своей сабийи. На вид ей было не больше 20 лет. Почти месяц она «принадлежала» Абделазизу, после чего перешла к кому-то из других команди-

³ Езиды – курдская этноконфессиональная группа. Религия езидов – езидизм (на основе зороастризма). В основном проживают на севере Ирака и в странах Европы. – *Здесь и далее прим. пер.*

⁴ Пешмерга (в переводе с курдского «идущие на смерть», «гляящие в лицо смерти») – курдские военизированные формирования в Иракском Курдистане.

ров ИГИЛ.

Становиться насильником – это, как казалось Абделазизу, не вписывалось в моральные принципы благочестивого мусульманина, каковым он себя считал. Один из его товарищей по оружию рассказывал, что, когда по телевизору передавали новости, Абделазиз закрывал экран, дабы не видеть женских лиц ведущих и репортеров. Он часто цитировал Коран и Хадис⁵, помпезно и высокопарно говорил об *ад-Дауле* – «государстве», как называет свой проект ИГИЛ. На вопрос, как бы он поступил, если бы его отец, вступив в ряды «Джабхат ан-Нусра», лицом к лицу встретился с ним в бою, Абделазиз без колебания ответил: «Я бы убил его. Абу Обейда [один из сподвижников Пророка] убил в бою своего отца. Рука любого человека, протянутая с намерением навредить *ад-Дауле*, будет отрублена». Абделазиз также называл своих родственников, служивших в армии или силовых структурах Бахрейна, «отступниками», поскольку вооруженные силы страны, давшей приют его семейству, входили в многонациональную коалицию, возглавляемую Соединенными Штатами и подвергавшую ИГИЛ бомбардировкам.

До того как примкнуть к джихаду в Сирии, Абделазиз начал изучать теологию и с трудом осилил первый курс факультета исламоведения в религиозной академии в Саудовской Аравии. Бросив среднюю школу в Бахрейне, он пере-

⁵ Хадис – сборники преданий и легенд о поступках и высказываниях исламского пророка Мухаммеда.

брался в Медину, намереваясь заняться изучением шарията – исламского религиозного закона. В школе, по словам членов его семьи, он сторонился не отличавшихся благочестием сверстников и общался преимущественно с учениками, бескомпромиссными в вопросах религии. Вскоре он стал рассуждать на «джихадистские» темы, постоянно говоря о бедственном положении мусульман-суннитов в Африке, на Ближнем Востоке и в Южной Азии.

Метаморфозы продолжались и в Сирии, но здесь они происходили на поле боя. Он называл себя Абу аль-Мутасимом, в честь аль-Мутасима Биллаха, восьмого халифа из династии Аббасидов, который прославился тем, что поднял армию, чтобы отомстить византийским солдатам за оскорбление, нанесенное женщине. Абделаиз говорил, что хотел бы последовать примеру этого аббасидского халифа, оказав поддержку беспомощным мусульманам в Сирии и Ираке. Даже после того как его назначили на высокую должность в одной из спецслужб, он никогда не упускал возможности оказаться на передовой и принять участие в бою. «Я не могу сидеть сиднем, – говорил он нам. – Я ведь прибыл сюда, чтобы стать мучеником, и именно к этому стремлюсь».

Наконец 23 октября 2014 г. Абделаиз обрел то, что искал. Он был застрелен снайпером сирийской правительственной армии в районе аль-Хакикат города Дайр-эз-Заур.

Вступая в группировку, бойцы обычно пишут письмо, которое просят после смерти передать родственникам. В сво-

ем послании Абделаиз обратился к матери: «Как тебе известно, в том числе и из телевизионных передач, неверные и *рафидиты* [презрительное прозвище мусульман-шиитов] зашли слишком далеко в деле угнетения, убийства, пыток и насилия над теми, для кого мусульманская честь превыше всего. Клянусь Богом, я не могу видеть, как убивают моих мусульманских сестер и братьев в те минуты, когда они взывают к другим мусульманам, а их мольбы не достигают ушей того, кто мог бы прийти к ним на помощь, да и сам я сижу и не делаю ничего. Я хотел быть таким, каким был аль-Мутасим Биллах. А главная причина заключается в том, что я страстно хотел попасть на Небо и очутиться рядом с пророком Мухаммедом, обрести мир подле него. Я хотел попросить прощения и для тебя в твоей будущей жизни».

Когда в середине июня 2014 г. отряды ИГИЛ штурмом овладели Мосулом, главным городом иракской провинции Ниневия, мир пришел в замешательство, больше похожее на потрясение. Эти люди, такие же как Абделаиз, захватили на Ближнем Востоке территорию, почти равную по площади Великобритании. Всего 1000 боевиков вошли в город в центральном Ираке, оборонявшийся 30-тысячным гарнизоном обученных американцами иракских солдат и полицейских. Те отступили, оставив ИГИЛ американские вездеходы «Хамви» и танки «Абрамс» стоимостью в десятки миллионов долларов. Так кто же эти террористы, у которых те-

перь есть бронированные автомобили и танки? И что вообще представляет собой ИГИЛ – организацию или что-то больше похожее на армию?

За пять месяцев до падения Мосула президент Обама в интервью репортеру журнала *New Yorker* Дэвиду Ремнику назвал ИГИЛ «юниорской сборной» террористов. И вот теперь эти юниоры разрушили границы, разделявшие Сирию и Ирак, современные национальные государственные образования, которые почти 100 лет находились в пределах этих территорий. Представители ИГИЛ объявили, что этот символический акт воссоединения знаменует собой конец англо-французского колониального сговора, из-за которого еще до официального окончания Первой мировой войны карта региона была перекроена на нынешний лад. Но теперь на этой карте не появится ни единого отпечатка западного пальца. Вместо этого на ней будет только халифат. Обладай мусульмане достаточной силой, торжественно заявил Абу-Бакр аль-Багдади, глава ИГИЛ, халифат несомненно вновь простирался бы до Испании и даже захватил бы Рим.

Эта книга написана на основе личных впечатлений. Один из нас – сириец из приграничного города Альбу-Камаль, долгое время служившего коридором для джихадистов, которые раньше стремились в Ирак, а теперь из него. Другой вел репортажи из Аль-Баба, города в провинции Алеппо, в котором зародилось независимое и демократически настроенное

сирийское гражданское общество. Сегодня это зловещее место, где правит ИГИЛ, живущее по законам шариата. Мы хотим дать ответ на простой вопрос, который неоднократно звучал в телевизионных шоу в те памятные лето и осень 2014 г.: «Где именно появилась ИГИЛ и как ей удалось за столь короткий срок причинить столько зла?» Понятно, откуда возник этот вопрос, особенно если учесть многочисленные пропагандистские фото- и видеоматериалы, циркулирующие по всему миру и демонстрирующие, как обезглавливают нескольких западных заложников, первым из которых был американский журналист Джеймс Фоли. Но в то же время этот вопрос кажется странным, поскольку Соединенные Штаты уже почти 10 лет воюют с ИГИЛ в различных ее воплощениях: сначала с «Аль-Каидой» в Ираке (АКИ), затем с Советом моджахедов и, наконец, с «Исламским государством Ирака» (ИГИ). Все это выглядит так, как если бы в 1985 г. Вьетконг вернулся под другими знаменами и захватил треть Южной Азии, а все – от Администрации президента Рейгана до *CNN* – удивлялись бы и задавались вопросом, откуда взялось это неизвестное партизанское соединение. Если кого-то можно называть хорошо знакомым противником, то как раз ИГИЛ.

Тем не менее мы многого не знаем об этом тоталитарном и теократическом объединении, а какие-то сведения о нем забыты, засекречены или же попросту не проверены. В странах, ведущих против него борьбу, не утихают споры о его

идеологии, военной стратегии и внутренних движущих силах. Является ли ИГИЛ в целом более могущественной организацией, чем сумма ее частей, или она слабее их? Победой или поражением стало международное соглашение о нанесении авиаударов по ИГИЛ, на заключение которого ушло семь месяцев? И достижима ли цель нынешней политики Соединенных Штатов в Сирии и Ираке, которую президент Обама обозначил как «уничтожение и окончательное разрушение» ИГИЛ? Или же, как предположил бывший министр обороны Леон Панетта, этот новый виток войны на Ближнем Востоке продлится 30 лет, охватит Северную Африку и перекинется оттуда в Европу?

Мы начнем с рассмотрения того, что представляет собой ИГИЛ сейчас и как она эволюционировала и взаимодействовала с миром в течение последнего десятилетия. В первых главах будет рассказана сложная история прежних воплощений ИГИЛ, основанная на десятках интервью с бывшими военными и представителями разведслужб США, а также западными дипломатами, которые участвовали в борьбе с «Аль-Каидой» в Ираке. ИГИЛ – это то, во что вылилась кровавая кульминация долгого спора в рядах международного джихадистского движения. В частности, спора о том, как должна вестись эта священная война и против кого. Являются ли целями для нападения шииты, алавиты и прочие мелкие секты и этнические образования или их можно попросту игнорировать и сосредоточить все внимание на борь-

бе с явными противниками – американцами и их союзниками, «сионистами и крестоносцами»? Самую фанатичную позицию в этом споре занимал Абу Мусаб аз-Заркави, иорданец, основатель «Аль-Каиды» в Ираке, в то время как «умеренных» возглавлял его покровитель и формальный руководитель Усама бен Ладен. Недавний раскол между «Аль-Каидой» и ИГИЛ был неизбежен с самого момента встречи аз-Заркави и бен Ладена в Афганистане в 1999 г. Объединившись, они помогли разорвать на части Ирак, подтолкнув шиитов к кровавым злодеяниям, и добились многочисленных потерь среди американцев и их союзников. Эта история и связывает воедино прошедшее десятилетие военного противостояния с тем, что происходит с режимами в Иране и Сирии, без чего невозможно понять, что такое ИГИЛ сегодня. И хотя нельзя определить, какая из сторон в конечном счете одержит победу в этом джихадистском споре, да и будет ли вообще в нем победитель, но тот факт, что в течение всего прошедшего года «Аль-Каида» находилась в состоянии братоубийственной войны со своей прежней дочерней структурой, указывает Западу, как именно он должен продолжать вести борьбу против обеих.

Затем мы рассмотрим первопричины сирийской революции, показав, как режим Асада, в течение долгого времени помогавший «Аль-Каиде» и подстрекавший ее к террористическим атакам на соседей, в то же время создавал благоприятные условия для того, чтобы терроризм пустил корни в са-

мой Сирии, а потом попытался выдать себя за жертву своего давнего союзника. Наконец, мы рассмотрим, что представляет собой сегодня ИГИЛ, возглавляемая аль-Багдади и его палачами. Помогут нам в этом интервью с действующими или уже ушедшими из жизни боевиками, шпионами, агентами-нелегалами, а также их жертвами – жителями Сирии, мятежниками и активистами и одной храброй и непокорной школьной учительницей из Ракки, города на севере Сирии, которая сказала «Хватит!». Одними из основных центров вербовки в ИГИЛ являются тюрьмы. Умышленно или случайно, но на Ближнем Востоке они в течение многих лет по сути были школами террористов, где известные экстремисты оказывались вместе и могли планировать дальнейшие действия, совершенствовать свои навыки, а также рекрутировать новых бойцов.

ИГИЛ – это террористическая организация, но не только. Это к тому же и мафиозная структура, которая эксплуатирует существующие десятилетиями «серые» транснациональные рынки торговли нефтью и оружием. И вооруженное формирование, состоящее из солдат, чья боеспособность поразила американских военных. И сложная организация по сбору информационных данных, сотрудники которой проникают в структуры противника и, прежде чем разгромить его в бою и захватить его территории, вербуют его высших чиновников. И умелая пропагандистская машина, которая эффективно распространяет официальные сообще-

ния, создаваемые в недрах организации, и с помощью социальных сетей вербует в свои ряды новых рекрутов. Кроме того, ИГИЛ – наследница врага еще более давнего, чем «Аль-Каида». Большая часть его верхушки – тех, кто принимает решения – служила прежде либо в армии, либо в спецслужбах Саддама Хусейна. «Светский» баасизм вернулся в Ирак, но уже в облике исламского фундаментализма, что при внимательном рассмотрении не выглядит таким уж явным противоречием.

Но самое главное, ИГИЛ представляет себя притесняемому суннитскому меньшинству в Ираке и еще более угнетенному суннитскому большинству в Сирии как последнюю линию обороны против всех их врагов сразу – «неверных» Соединенных Штатов; «отступников», каковыми являются арабские государства Персидского залива; сирийской алавитской диктатуры и рафидитов, один из которых обосновался в Иране, а другой в Багдаде. При этом, как принято во всех конспирологических теориях, ИГИЛ опирается на крупницы правдивой информации и сложные геополитические реалии, чтобы говорить о всемирном сатанинском заговоре против нее. Сирийские военные самолеты летают сейчас в том же небе, что и американские, предположительно сбрасывая бомбы на те же самые объекты в восточной Сирии, а в это время правительство Соединенных Штатов утверждает, что у Асада нет будущего в Дамаске. В Ираке созданные Ираном шиитские вооруженные формирования –

некоторые из них объявлены правительством Соединенных Штатов террористическими (поскольку их руки в крови американцев) – выступают головным отрядом сил безопасности Ирака в наземной кампании, проводимой с целью отразить атаки ИГИЛ под контролем и при содействии Корпуса стражей исламской революции – еще одной структуры, признанной Соединенными Штатами террористической. Эти боевые подразделения проводят в суннитских деревнях этнические чистки, осуждаемые Amnesty International⁶ и Human Rights Watch⁷, – и при этом получается, что военная авиация Соединенных Штатов обеспечивает им прикрытие с воздуха. Какими бы ни были намерения Вашингтона, его вынужденный альянс с кровавыми режимами Сирии и Ирана удерживает суннитов, ненавидящих или боящихся ИГИЛ, от того, чтобы объединиться (как это было с движением «Пробуждение», развернувшимся ранее в Ираке) и самим изгнать террористов из своей среды. Часть тех, кто пытался сделать это, были убиты, другим пришлось влиться в ряды своих палачей и присягнуть им на верность.

Между тем организация ИГИЛ, произведшая сенсацию и в то же время недооцененная, жестокая и эффективная, стерла границы современных национальных государств и провозгласила воссоздание исчезнувшей исламской импе-

⁶ «Международная амнистия» – организация по защите прав человека.

⁷ «Наблюдение за соблюдением прав человека» – частная американская организация, следящая за соблюдением прав человека.

рии. Старый враг превратился в нового и продолжил уже и без того затянувшуюся войну.

1. Отец-основатель. Джихад Абу Мусаба Аз-Заркави

«Вперед, мусульмане, за свою страну. Да, ведь это ваша страна. Вперед, потому что Сирия не принадлежит сирийцам, а Ирак не принадлежит иракцам», – 28 июня 2014 г., в первый день Рамадана, Абу Бакр аль-Багдади, ставший к тому времени халифом Ибрагимом, объявил о конце ИГИЛ и рождении Исламского государства. Он вещал с кафедры Великой мечети аль-Нури в Мосуле – городе, захваченном несколько дней назад его боевиками. Будучи по рождению иракцем, аль-Багдади упразднил гражданство. По его мнению, не было больше ни народов Плодородного полумесяца⁸, ни народов всего остального мира. Всему на смену пришло Исламское государство. Более того, все человечество можно было отныне разделить на два «лагеря». Первый – «лагерь мусульман и *моджахедов* [священных воинов]», а второй – «лагерь евреев, крестоносцев и их союзников». Стоя там, одетый в черное, аль-Багдади представлял себя наследником средневекового халифата и воплощением духа своего героического предшественника Абу Мусаба аз-Заркави. Тот изъяснялся в основном в тех же революцион-

⁸ Плодородный полумесяц – условное название региона на Ближнем Востоке, славящегося плодородными землями, а формой напоминающего полумесяц.

ных терминах и почитал ту же самую мечеть, в которой Абу Бакр аль-Багдади возвестил о том, что 11-летний процесс воплощения в жизнь его смутного замысла, наконец, завершён.

Мальчик из Зарки

Зарка – грязный, промышленный город, расположенный в Иордании примерно в 40 км северо-восточнее Аммана. До того как самый известный его сын сделал название города своим псевдонимом, он был известен как описанное в Библии место известного сражения Иакова с Богом, а также как место, где находится аль-Разейфах, старейший лагерь палестинских беженцев в Иордании^[1]. Ахмад Фадиль Наззал аль-Халайла, как звали при рождении аз-Заркави, происходил не из семьи, не знающей своей национальности, а из клана Бани Хасан, бедуинов, проживающих на Восточном берегу реки Иордан и известных своей преданностью Хашимитскому королевству. Отец аз-Заркави был *мухтаром*, старейшиной деревни, уполномоченным муниципальными властями выступать судьей в местных спорах, хотя его сыну больше нравилось участвовать в них. Аз-Заркави оказался бесперспективным полуграмотным учеником, он с трудом и множеством ошибок писал по-арабски и в 1984 г. (когда умер его отец) бросил школу, после чего сразу же окунулся в криминальную жизнь^[2]. «Он не был крупным мужчиной, но он был смелым», – рассказывал позже репортеру *New York Times* один из двоюродных братьев аз-Заркави.

Он пил, нелегально торговал алкоголем. Находятся и те, кто утверждает, что он был сутенером^[3]. Свой первый тю-

ремный срок Заркави получил за хранение наркотиков и изнасилование^[4].

Обеспокоенная тем, что ее сын спускается в преисподнюю, откуда ему никогда не выбраться, мать аз-Заркави, Ум Сейел, записала его на религиозные курсы в мечеть Аль-Хусейна в Аммане^[5]. И это изменило все. Вера вытеснила из него тягу к беззаконию, хотя результат оказался не таким, на который надеялась Ум Сейел. Именно в этой мечети аз-Заркави впервые открыл для себя салафизм – учение, которое в своей современной форме выступает за возвращение к библейской чистоте и традициям пророка Мухаммеда. Салафиты считают, что западная демократия и современный характер общества не только принципиально несовместимы с исламом, но и отравляют арабскую цивилизацию, которая после Первой мировой войны погрузилась в состояние застоя под влиянием незаконных и «отступнических» режимов, правящих в Египте, Иордании и Сирии. Наиболее радикальные салафиты объявили себя приверженцами джихада – это арабское слово означает «борьбу» и имеет множество смысловых оттенков. Но после того, как в 1979 г. СССР вторгся в Афганистан, основным его значением стало «вооруженное сопротивление».

Обстановка в Хайятабаде

Хайятабад – небольшой город в Пакистане в предместье Пешавара, расположенный у Хайберского прохода, по которому многие империи входили в Афганистан, а затем покидали его. В конце 1980-х он стал своего рода Касабланкой советско-афганской войны, которая уже близилась к своему завершению. Это был город вечного ожидания, город, где строили планы; город, кишасый солдатами, шпионами, торговцами, жуликами, военачальниками, контрабандистами, беженцами, спекулянтами, а также ветеранами и преисполненными отваги священными воинами^[6].

Там же находился оперативный штаб Усамы бен Ладена, одного из отпрысков владеющей миллиардами семьи из Саудовской Аравии, занимавшегося созданием своей организации, «Аль-Каиды». Наставником бен Ладена в то время был один из ведущих хайятабадских исламских теоретиков, палестинец по имени Абдулла Аззам, опубликовавший в 1984 г. книгу, которая стала своего рода манифестом афганских моджахедов. В ней утверждалось, что мусульмане обязаны изгонять захватнические и оккупационные армии со своих священных земель. Его собственная родина была оккупирована израильскими войсками, и Аззам призывал к тому, чтобы все мусульмане, а не только афганцы, сражались с Советской армией. Как и аль-Багдади десятилетия

спустя, он взывал к моджахедам всего мира, чтобы те присоединились к борьбе против неверных. Не агитируя прямо за создание международного халифата, Аззам тем не менее считал Афганистан именно тем местом, где на руинах коммунистической власти может быть создано жизнеспособное исламское государство. Ведь эта война была самой чистой с идеологической точки зрения, без присутствовавшего в палестинском конфликте коктейля из светского национализма Ясира Арафата и терроризма ленинского типа Карлоса Шакала⁹.

Поэтому, когда Аззам переехал в Пешавар, он и бен Ладен организовали там прибежище для прибывающих «афганских арабов» (так называли иностранных моджахедов), которые были готовы вести священную войну, но не знали, как и с чего начать. Вместе они основали «Мактаб аль-Хадамат» – организацию в поддержку афганского сопротивления, руководство которой осуществлялось из личной резиденции бен Ладена. Если считать Аззама Марксом, великим философом, который сформулировал концепцию новой революционной борьбы и привлек к реализации своих идей последователей, то бен Ладен был его Энгельсом, состоятельным отпрыском богатой семьи, оплачивавшим его счета, пока гос-

⁹ Ильич Рамирес Санчес, также известный как Карлос Шакал, – международный террорист, осуществлявший террористические операции в интересах «Народного фронта освобождения Палестины», «Красных бригад», «Красной армии Японии», Организации освобождения Палестины. В настоящее время отбывает пожизненное заключение во французской тюрьме Клерво.

подин корпел над текстами, которым предстояло изменить мир^[7].

Около 3000 «афганских арабов» прошли через этот джихадистский центр, где им предоставляли еду, деньги и кров, а также помогали ассимилироваться в Северо-Западном приграничном регионе. Через «Мактаб аль-Хадамат» прошли также многие миллионы долларов, и большая часть этих денег поступала от бен Ладена и Аззама, но некоторая часть – от правительства Саудовской Аравии, с которым бен Ладен имел прочные связи через строительную империю своей семьи^[8]. И именно здесь многие из известных международных террористов обзавелись полезными контактами^[9].

В конце концов Аззам и его ученик рассорились, и произошло это по вине бен Ладена, который сблизился с другой знаменитостью, восходившей тогда на джихадистском небосклоне, – Айманом аз-Завахири, египетским хирургом, который летом 1980 г. проработал в Пакистане три месяца по линии общества «Красного полумесяца» и даже совершал кратковременные поездки в Афганистан, дабы увидеть войну собственными глазами. Вскоре аз-Завахири обрел мировую известность, когда его арестовали и подвергли пыткам за предполагаемое участие в убийстве египетского президента Анвара Садата^[10]. Он был эмиром джихадистской группировки «Джамаат аль-Джихад» («Исламский джихад»), которая пыталась совершить в Каире государственный переворот и установить там исламскую теократию^[11].

После освобождения в 1986 г. аз-Завахири вернулся в Пешавар, чтобы возобновить работу в одном из госпиталей «Красного полумесяца» и перестроить «Аль-Джихад». К тому времени его салафизм стал более экстремистским; он увлекся идеями *такфиризма* – движения, которое обвиняет мусульман в неверии и предлагает карать за это смертью. Таким образом, дружеские отношения, установившиеся между аз-Завахири и бен Ладеном, привели к прямому столкновению с Абдуллой Аззамом, выступавшим против того, чтобы мусульмане убивали друг друга. Что касается Аззама, то он считал, что истинной целью джихадизма является атеистический и развращенный Запад, к которому, несомненно, принадлежит и Израиль. Аз-Завахири и Аззам ненавидели друг друга и боролись за внимание и благосклонность бен Ладена. Но главное, за что они боролись, – это его деньги.

В конце ноября 1989 г. Аззам и два его сына были убиты взрывом бомбы, заложенной у дороги и уничтожившей машину, в которой они ехали в мечеть^[12]. (В этом теракте обвиняли многих – от КГБ, спецслужб Саудовской Аравии и ЦРУ до бен Ладена и/или аз-Завахири.) Но еще до этого Хузейфа, один из сыновей Аззама, встретил в аэропорту Пешавара группу моджахедов, состоявшую в основном из иорданских «афганских арабов». Они приехали, чтобы сражаться с армией СССР, которая все еще не вышла из Афганистана. Одним из прибывших был аз-Заркави^[13].

Клаузевиц для террористов

Весной 1989 г. Абу Мусад аз-Заркави направился из Хайятабада на восток в афганский город Хост и прибыл туда как раз вовремя, чтобы увидеть окончательное поражение Советской армии^[14]. Но, вместо того чтобы вернуться в Иорданию как человек, пропустивший священную войну, он остался в Северо-Западном приграничном регионе, где завел полезные контакты с теми, кто решал судьбу постсоветского Афганистана. Среди них были брат Халида Шейха Мухаммеда, организатора теракта 11 сентября, и Мухаммед Шобана, издававший джихадистский журнал «*Аль-Буньян Аль-Марсус*» («Неприступная святыня»). Несмотря на его неважный арабский, благодаря рекомендациям уважаемых духовных лиц аз-Заркави был взят в этот журнал корреспондентом^[15]. Там он встретился со своим будущим зятем, Салахом аль-Хами, иордано-палестинским журналистом, связанным с «*Аль-Джихадом*», журналом организации Абдуллы Аззама^[16]. Аль-Хами потерял ногу, наступив на противопехотную мину в Хосте^[17]. Позже он рассказывал, как, лежа в госпитале, жаловался на то, что такому калеке, как он, никогда не найти жену, и тут аз-Заркави предложил ему жениться на одной из его сестер. Она приехала в Пешавар на свадьбу, и после этого события осталась видеозапись, на которой присутствует аз-Заркави^[18]. Это его видео было

единственным до апреля 2006 г., когда иракская «Аль-Каида» распространила пропагандистский ролик, в котором ее командир, одетый в черное, строчил, подобно Рэмбо, из автомата.

По словам аль-Хами, репортажи аз-Заркави представляли собой в основном интервью с ветеранами советско-афганской войны, благодаря которым он словно проживал ее сам^[19]. А по ночам он заучивал наизусть Коран.

Через несколько месяцев Аль-Хами с женой вернулись в Иорданию, а его шурин остался, чтобы принять участие в начинающейся в освобожденном Афганистане гражданской войне^[20]. Он связал свою судьбу с пуштунским военачальником Гульбеддином Хекматияром, который с перерывами занимал пост премьер-министра в Кабуле до тех пор, пока его администрация не была свергнута талибами, после чего Хекматияр бежал в Иран^[21]. Дни аз-Заркави как собирателя чужих рассказов о войне подошли к концу. Ему хотелось написать собственный рассказ.

Он побывал в нескольких тренировочных лагерях на афгано-пакистанской границе, в том числе и в «Сада аль-Малахим» («Эхо битвы»), который был своего рода фортом Дикс¹⁰ «Аль-Каиды». Именно здесь Рамзи Юзеф и Халид Шейх Мухаммед разрабатывали планы атак на Всемирный торговый центр^[22]. Как писала в своей книге «Мятежный

¹⁰ Форт Дикс – база армии США в штате Нью-Джерси. Используется в основном для переподготовки резервистов.

Ирак: аз-Заркави и новое поколение» (Insurgent Iraq: Al-Zarqawi and the New Generation) Лопетта Наполеони^[23], бывший телохранитель бен Ладена Назир Ахмад Назир Абдалла аль-Бахари, рассказывая о лагерной жизни, говорил о трех этапах подготовки. Первый – «изучение» – длился 15 дней, и в течение этого времени новичок подвергался «психологическому и моральному истощению»: это, по всей вероятности, позволяло отделить слабых от истинных воинов. Второй этап – «период военной подготовки» – продолжался 45 дней. Сначала новобранца обучали владению легким вооружением, затем использованию переносных зенитно-ракетных комплексов, и, наконец, он проходил курс картографии. В третьем, заключительном, периоде изучалась «тактика ведения партизанской войны». Целая программа – ну просто Клаузевиц для террористов!

Возвращение

В 1992 г. аз-Заркави вернулся в Иорданию и сразу же оказался под пристальным наблюдением Главного разведывательного управления (ГРУ) королевства, обеспокоенного тем, что воевавшие в Афганистане могут направить свое оружие на врага у себя дома^[24]. У ГРУ действительно были все основания для беспокойства. Его опасения подтвердились в 1993 г., когда мирные переговоры Иордании с Израилем вызвали негативное отношение со стороны исламистов, и боевики, вернувшиеся с Афганского фронта, начали создавать собственные джихадистские группировки, такие как «Джаиш-и-Мухаммад» («Армия пророка Мухаммеда») и «Аль-Хашайкка» («Иорданские афганцы»)^[25].

О возвращении аз-Заркави к гражданской жизни не могло быть и речи. Он побывал у Абу Мухаммада аль-Макдиси, иордано-палестинского салафита, с которым ранее встречался в Хайятабаде и который был одним из тех, кто порекомендовал его на должность корреспондента в журнал Шобаны. Незадолго до этого аль-Макдиси опубликовал гневную, но длинную и нудную антизападную статью «Демократия: религия», в которой провел четкую разграничительную линию между политической экономией «язычников» и божественным законом Аллаха. Вместе, продвигая дело бен Ладена и Аззама, аз-Заркави и аль-Макдиси обраща-

ли жителей Леванта в свою веру, проповедуя на импровизированных собраниях, где яростно нападали на собственное правительство, поддерживающее хорошие отношения с Израилем, и американских империалистов, вмешивающихся в дела Ближнего Востока^[26]. Аль-Макдиси был педантичным ученым, который в своих обличительных речах клеймил недостатки современных политических течений, а аз-Заркави обладал харизмой, но был интеллектуальным легковесом^[27]. «Умом он никогда не блистал», – сказал о нем несколько лет спустя Мухаммед аль-Двейк, его адвокат^[28].

Аль-Макдиси создал собственную иорданскую джихадистскую ячейку, известную под названием «Байят аль-имам» («Дом имама»), в которую вошел и аз-Заркави. Их первые шаги на ниве террористической деятельности не столько внушали страх, сколько смахивали на фарс с участием растяп-полицейских. К тому времени и без того процветающий рынок торговли оружием в Кувейте наводнило боевое снаряжение и боеприпасы, брошенные отступающей иракской армией в конце первой войны в Персидском заливе. Аль-Макдиси, который некоторое время жил в регионе Персидского залива и сохранил там связи, приобрел противопехотные мины, противотанковые ракеты и ручные гранаты. Все это было контрабандным путем доставлено в Иорданию для будущих террористических атак. Аль-Макдиси поручил аз-Заркави спрятать все это, а затем передать ему снова^[29]. Аз-Заркави выполнил просьбу, не передав, правда,

две бомбы, которые, как он впоследствии заявлял, «были использованы для операций, совершаемых шахидами на территориях, оккупированных сионистами». Понимая, что ГРУ Иордании отслеживает все их действия и знает об их незаконных арсеналах, оба террориста, не дожидаясь ареста, попытались бежать из страны. Но в марте 1994 г. их схватили. Агенты ГРУ ворвались в дом аз-Заркави, где обнаружили запасы оружия. Его застали в постели, и он пытался застрелить одного из офицеров, а потом покончить с собой. Но ему не удалось ни то ни другое. Он был обвинен в незаконном хранении оружия, а также принадлежности к запрещенной террористической организации и осужден^[30].

Во время судебного слушания аз-Заркави и аль-Макдиси решили превратить скамью подсудимых в кафедру, подобную той, с которой аз-Завахири обращался к верующим в Египте. Они обвиняли суд, государство и монархию в нарушении законов Пророка и ислама. По словам судьи Хафеза Амина, организатор «Байят аль-имам» «представил письменное обвинение, в котором утверждалось, что мы противодействовали изучению священного Корана». Амину поручалось передать это послание самому королю Хусейну, обвинив его в святотатстве^[31]. Аз-Заркави был не столь опытен, как аль-Макдиси, и ему хуже удавалось, используя религиозные шаблоны, превращать процесс в пропагандистское шоу. Так или иначе, в 1994 г. оба они были приговорены к 15 годам заключения и отправлены в тюрьму «Суака», которая

находится в пустыне и потому из нее невозможно бежать ^[32].

«Тюрьма стала его университетом»

За время, проведенное в тюрьме, аз-Заркави стал более целеустремленным, жестоким и решительным^[33]. Как представитель клана Бани Хасан он имел более высокий статус, чем другие заключенные, в том числе и аль-Макдиси, положение которого было тем не менее вполне сносным благодаря товарищеским отношениям с аз-Заркави. В Иордании, как и везде, во внутритюремных отношениях важны те привилегии и льготы, которые преступники имеют за пределами камер. Аз-Заркави всеми способами усиливал свое влияние, чтобы его группировка, сформированная из заключенных, входивших в «Байят аль-имам», преуспевала. Он добился того, чтобы «его» люди не носили стандартную униформу и не выходили на утреннюю переключку на тюремном дворе^[34]. «Он мог приказать своим парням сделать что-либо одним лишь движением глаз», – вспоминал тюремный врач^[35].

Действуя принуждением и убеждением, аз-Заркави стремился подчеркнуть исключительность его интерпретации исламистской идеологии, а себя назначил на роль верховного правоведа^[36]. Он бил тех, кто ему не нравился, в том числе и заключенного, который написал в журнал, издающийся в тюрьме «Суака», критическую статью о нем^[37]. Другой заключенный, Абу Дома, вспоминал, как аз-Заркави однажды

застал его за чтением «Преступления и наказания», «книги, написанной язычником». Аз-Заркави сделал все, чтобы заставить Абу Дома больше не интересоваться языческой русской литературой. Он передал ему письмо с угрозами, в котором фамилия Достоевский была написана как «Досе-ефски». («Да и сама записка на отвратительном арабском выглядела так, будто ее писал ребенок», – рассказывал Дома^[38].) Будучи не в состоянии вести аргументированные споры, аз-Заркави развивал мускулатуру, используя для этого спинку своей кровати и канистры из-под масла, заполненные для веса камнями^[39]. Однако в общении с охранниками ему не всегда удавалось гнуть свою линию. Иногда ему доставалось от них за непокорность, и это впечатляло тех, кто видел в нем вожака. Как-то раз за одну провинность его на восемь с половиной месяцев бросили в одиночку^[40].

Именно в тюрьме аз-Заркави затмил аль-Макдиси и присвоил себе титул эмира и соответствующие почести^[41]. Ученый наставник помогал своему протеже укреплять не только силу мышц, но и идеологическую базу, и они вдвоем сочиняли фетвы (решения муфтия) и религиозные указы, которые затем выкладывали в Интернет^[42]. Некоторые из этих творений привлекли внимание бен Ладена, который с огромным интересом следил из Пакистана за процессом над этими двумя иорданцами^[43]. Ричард, бывший высокопоставленный сотрудник Пентагона, специалист по борьбе с терроризмом, когда мы попросили его прокомментировать этот со-

юз, сказал, что тюрьма сделала с аз-Заркави то же самое, что и с Уитни Балгером, главарем организованной преступности Бостона: «Мы отправили его в “Гарвард” американской пенитенциарной системы. Туда он прибыл изворотливым преступником с низким IQ, сумевшим собрать в своих руках несколько неплохих источников дохода. Оттуда он вышел с авторитетом и соответствующей репутацией, которые помогли ему создать собственную банду и в течение четырех или пяти лет править Бостоном. Нечто подобное произошло и с аз-Заркави. Тюрьма стала его университетом»^[44].

То же самое можно было бы сказать 20 лет спустя и об Абу Бакре аль-Багдади, если учесть, как его соратники по ИГИЛ отзывались о проявленных им лидерских качествах и гибкости в отношениях с охраной в американском лагере для военнопленных «Букка» на юге Ирака.

Аз-Заркави отбыл только часть назначенного ему тюремного срока. После смерти иорданского короля Хусейна на трон вступил его сын Абдулла II, реформист, получивший образование на Западе и настойчиво проводивший политику примирения с Мусульманским братством – самым крупным оппозиционным блоком в иорданском парламенте. В марте 1999 г. новый король объявил широкую амнистию для более чем 3000 заключенных. Под амнистию не попали убийцы, насильники и предатели. А многие исламисты, не совершившие террористических актов в королевстве, в том числе и аз-Заркави, вышли на свободу^[45].

Встреча с Бен Ладеном

Летом 1999 г. аз-Заркави покинул Иорданию и снова направился в Пакистан, в места, из которых уехал несколько лет назад^[46]. В Пешаваре его арестовали, и он провел восемь дней в заключении^[47]. Возможной причиной ареста стала его просроченная виза. Ему сообщили, что получить обратно свой паспорт он может лишь в случае немедленного возвращения в Иорданию, однако вместо этого он нелегально пересек границу с Афганистаном и остановился в джихадистском «гостевом доме» в деревне, расположенной западнее Кабула, на территории, подконтрольной Гульбеддину Хекматияру^[48].

Первая встреча аз-Заркави с бен Ладеном состоялась в Кандагаре, который фактически был главным городом «Талибана». Она прошла неудачно. Бен Ладен отнесся к нему с подозрением, считая, что приезд аз-Заркави мог быть организован ГРУ Иордании. К тому же многочисленные татуировки, которыми аз-Заркави украсил себя в менее благочестивые времена, а затем безуспешно пытался вытравить в тюрьме с помощью соляной кислоты, также беспокоили отличавшегося пуританской строгостью саудита. Больше всего, однако, бен Ладену не понравились высокомерие аз-Заркави и его «непоколебимые взгляды». Аз-Завахири, присутствовавший на встрече, разделил его сомнения в том,

что этого иорданца стоит принимать в ряды «Аль-Каиды»^[49].

Враги ближние и дальние

В 1996 г. бен Ладен издал фетву «Декларация джихада против американцев, оккупировавших земли двух священных мест». Этими двумя местами считались расположенные в Саудовской Аравии Мекка и Медина, где после первой войны в Персидском заливе все еще находились американские и коалиционные войска. Декларация представляла собой синтез предложенных Аззамом и аз-Завахири толкований термина «священная война». Что касается Афганистана, «Аль-Каида» заявляла, что готова и здесь бороться с неверными оккупантами мусульманской земли, но в этом случае «оккупанты» оказались здесь по приглашению и к радости мусульманского правительства, прежнего союзника бен Ладена по борьбе с русскими.

В начале 1990-х действия «Аль-Каиды» были направлены против американских солдат на всем Ближнем Востоке и в Африке – от Йемена и Саудовской Аравии до Кении и Танзании^[50]. Перед организацией была поставлена задача стать подразделением джихада, действующим против «далекого врага», но при этом с нее не снималась обязанность убивать любых мусульман, сотрудничавших с демократической сверхдержавой. Желавший террористическими методами бороться в Иордании *исключительно* с мусульманами, аз-Заркави по-прежнему был в лагере тех, кто действовал про-

тив «ближнего врага». Таким образом, он находился на тех позициях, на которых за 10 лет до этого пребывал аз-Завахири, — их расхождение во мнениях было скорее возрастным, чем идеологическим. К тому же аз-Заркави гораздо более широко определял *кафиров* («неверных»), относя к ним всех шиитов и некоторых суннитов, не соблюдавших строгий салафитский завет. А бен Ладен прежде никогда не выступал против этих категорий мусульман, поскольку его мать была из сирийских алавитов, представителей шиитской секты.

Тем не менее такое неудачное начало не помешало тому, что между этими двумя джихадистами был-таки заключен союз. Этому способствовал Саиф аль-Адель, начальник службы безопасности «Аль-Каиды», который считал важнейшим оружием исламского терроризма широкую сеть полезных контактов. К тому времени аз-Заркави располагал как раз такой сетью контактов в Леванте, и аль-Адель убедил бен Ладена в том, что они могут быть полезны «Аль-Каиде». Одним из «контактеров» был Абу Мухаммад аль-Аднани, ставший сегодня официальным представителем и пресс-секретарем ИГИЛ^[51].

Таухид Валь-Джихад

К 2000 г. аз-Заркави был назначен начальником тренировочного лагеря в Герате, третьем по величине городе Афганистана, расположенном на границе с Ираном. Этот лагерь был построен на деньги, выделенные «Аль-Каидой». По оценке бывшего аналитика ЦРУ Нады Бакос, бен Ладен выделил аз-Заркави 200 000 долларов в виде «займа» – такие гроши в сравнении с финансовыми возможностями, которыми располагала «Аль-Каида»^[52]. «Все, что требовалось, это небольшой участок земли, пара перекладин для подтягивания и группа парней, бегающих вокруг с автоматами АК-47, – рассказывает Ричард, ранее занимавший ответственный пост в Пентагоне. – Речь не шла ни о какой-то исключительной подготовке, ни даже о стандартной тренировке морских пехотинцев. Лагерь в Герате занимался тем, что просто выявлял желающих воевать»^[53].

Аз-Заркави готовил боевиков, в основном выходцев из Палестины и Иордании, к тому, чтобы они стали «джундаш-Шам» (воинами Леванта), но на знамени, висевшем над входом в лагерь, был начертан лозунг, который позже стал названием террористической ячейки в Ираке: «Таухид валь-Джихад» («Единобожие и джихад»)^[54]. Как следует из названия, в лагере воинов Леванта готовили к предстоящим террористическим операциям в Израиле / Пале-

стине, Иордании и других арабских государствах. Конечной целью этих операций была смена существующих режимов^[55]. Некоторые из «выпускников» лагеря действительно приняли участие в громких терактах, таких как убийство Лоуренса Фоли, сотрудника Агентства международного развития США, в 2002 г. в Аммане, и получивший широкую известность заговор, целью которого был взрыв в иорданской столице в 2004 г. химических бомб, заложенных в офисе премьер-министра, штаб-квартире ГРУ королевства и в американском посольстве^[56]. Иорданские власти утверждали, что в случае успеха этой операции число погибших составило бы не менее 80 000^[57]. Аз-Заркави взял на себя ответственность за неудавшиеся операции, но отрицал, что при этом предполагалось использовать химическое оружие.

Группировка «Джунд аш-Шам» росла в геометрической прогрессии, и это производило большое впечатление на аль-Аделя, ежемесячно посещавшего Герат для того, чтобы докладывать бен Ладену об успехах грантополучателя^[58]. Возможно, именно тогда бен Ладен несколько изменил свое мнение об аз-Заркави. Между 2000-м и 2001-м он неоднократно просил аз-Заркави вернуться в Кандагар и совершить *байят* – принести клятву верности, что являлось непременным условием полного и окончательного зачисления в ряды «Аль-Каиды»^[59]. Аз-Заркави многократно отказывался^[60]. «Я никогда не слышал, чтобы он хвалил кого-ли-

бо, кроме Пророка, – таков был характер Абу Мусаба аз-Заркави. Он никогда не следовал ничьим указаниям, а всегда направлялся туда и делал то, что, по его мнению, следовало делать», – вспоминал один из его прежних сподвижников^[61]. То ли в силу надменности, то ли из-за разногласий со своим благодетелем, но до 2004 г. аз-Заркави предпочитал держаться от «Аль-Каиды» на расстоянии вытянутой руки и ограничиваться сотрудничеством на меркантильной основе^[62].

«Ансар Аль-Ислам»

Одним из помощников аз-Заркави в Герате был молодой иорданец Абу Абдель Рахман аш-Шаами, которому было поручено расширение сети на север Ирака через Иран для создания там движения, подобного «Талибану». Этот частично автономный район Курдистана был в то время объявлен международным сообществом зоной, запретной для полетов, – для защиты от армии и ВВС Саддама^[63]. Созданная аш-Шаами джихадистская группировка, известная под названием «Джунд аль-Ислам», контролировала область площадью 500 кв. км в северной гористой части этого региона, подчинив себе около 200 000 человек, для которых в одночасье под запретом оказались алкоголь, музыка и спутниковое телевидение.

После террористических атак 11 сентября и вторжения Соединенных Штатов в Афганистан «Джунд-аль-Ислам» объединилась с другими террористическими ячейками, чтобы превратиться в «Ансар аль-Ислам»^[64]. Целями новой организации стали баасистский режим в Багдаде и Патриотический союз Курдистана (ПСК), возглавляемый Джалялем Талабани, первым президентом Ирака после свержения Саддама^[65].

За несколько недель до начала войны в Ираке, 3 февраля 2003 г., Колин Пауэлл, госсекретарь США, выступая

в ООН, заявил, что нахождение группировки «Ансар аль-Ислам» в северном Ираке, о которой сообщала курдская разведка, подтверждает связь «Аль-Каиды» с режимом Саддама^[66]. Созданная аз-Заркави сеть, утверждал Пауэлл, производила в оккупированном ею районе площадью 500 кв. км рицин¹¹ и химическое оружие, в то время как аз-Заркави, которого высокопоставленный дипломат ошибочно назвал палестинцем, уже в течение нескольких месяцев находился в Багдаде, где за государственный счет проходил курс лечения. Ему якобы требовалась ампутация ноги и подбор протеза после тяжелого ранения, полученного при воздушной бомбардировке Афганистана.

Впоследствии многие важные и мелкие факты, о которых говорил Пауэлл, не нашли подтверждения, после того как американские войска вторглись в Ирак и захватили множество документов иракской разведки, а также допросили сотрудников бывших иракских спецслужб. Впрочем, среди тех, кто работал в Администрации Буша, некоторые никогда не доверяли сказанному Пауэллом. «Мы впервые узнали о Заркави в 1998-м или 1999-м году, и нам было известно, что он собой представляет, – рассказывал нам Ричард. – После его возвращения из Афганистана было ясно, что он готов действовать, но мы не предполагали, что он направится в Ирак. Мы думали, что он вернется в Иорданию. Что касается его пребывания в Ираке, я не верю во всю эту историю

¹¹ Рицин – белковый токсин растительного происхождения.

с багдадским госпиталем в том виде, в каком Администрация ее преподносит. Мне кажется, это что-то из серии фантазий Дика Чейни»^[67].

Хотя он и направил в Курдистан аш-Шами и других моджахедов, подготовленных в Герате, отношение аз-Заркави с «Ансар аль-Ислам» были более свободными, чем это казалось американцам. Фактически их основу составляли личные связи – именно то, что сблизило самого аз-Заркави с бен Ладеном. «Джихадисты больше выигрывают от дружбы и близкого знакомства, чем от нахождения в одном списке какой-то террористической ячейки, – говорит Ричард. – Посмотрите на сегодняшнюю ИГИЛ или на группировки в Сирии – насколько они взаимосвязаны. “Ансар аль-Ислам” обеспечила Заркави убежище в [иракском] Курдистане, потому что они знали его и хорошо к нему относились. Ему всегда хорошо удавалось налаживать контакты с различными криминальными и клановыми структурами»^[68].

Когда Соединенные Штаты и НАТО начали войну в Афганистане, лагерь в Герате подвергся осаде силами поддерживаемого Западом Северного альянса, и аз-Заркави бежал в Кандагар, где пострадал во время воздушной бомбардировки города ВВС Коалиции. Но его ноги остались целы, он всего лишь сломал несколько ребер, как рассказал один из боевиков, прошедших подготовку в его лагере, Ийяд Тобаисси. После этого аз-Заркави в сопровождении примерно 300 боевиков покинул страну и направился

в Иран, где на неделю задержался в городе Захедан, после чего перебрался в Тегеран, где воспользовался гостеприимством одного из старых друзей – Гульбеддина Хекматияра. Это был еще один полезный контакт, установленный аз-Заркави во время его первой поездки в Северо-Западный приграничный регион^[69].

Нур Ад-Дин и Ирак

По словам одного из сопровождавших аз-Заркави в этой поездке, «Абу Мусаб видел в Ираке новую арену для джихада; он предвидел, что здесь произойдет столкновение с американцами, поскольку война в Афганистане была закончена, и всемогущий Бог дал ему силы на то, чтобы стать новым джихадистским лидером в Ираке... Он планировал это в течение долгого времени»^[70]. Саиф аль-Адель, руководитель службы безопасности «Аль-Каиды», который лоббировал более тесную связь аз-Заркави с организацией, позднее говорил, что на решение этого иорданца перебраться в Ирак повлияла древняя история ислама: «Я думаю, что он [аз-Заркави] читал о Нур ад-Дине, и желание начать свою кампанию именно из Мосула побудило его перебраться в Ирак после падения Исламского эмирата в Афганистане»^[71]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Loretta Napoleoni, *Insurgent Iraq: Al-Zarqawi and the New Generation* (New York: Seven Stories Press, 2005) 29–30.

2.

Napoleoni, *Insurgent Iraq*, 260.

3.

Mary Anne Weaver, “The Short, Violent Life of Abu Musab al-Zarqawi,” *The Atlantic*, July 1, 2006, www.theatlantic.com/magazine/archive/2006/07/the-short-violent-life-of-abu-musab-al-zarqawi/4983.

4.

Loretta Napoleoni, “Profile of a Killer,” *Foreign Policy*, October 20, 2009, foreignpolicy.com/2009/10/20/profile-of-a-killer.

5.

Weaver, 2006.

6.

Jean-Charles Brisard, *Zarqawi: The New Face of Al-Qaeda* (New York: Other Press, 2005) 16.

7.

Fawaz A. Gerges, *The Far Enemy: Why Jihad Went Global* (New York: Cambridge University Press, 2005), 135.

8.

Lawrence Wright, *The Looming Tower* (New York: Vintage, 2007); Gerges, *The Far Enemy*, 134.

9.

Gerges, *The Far Enemy*, 76.

10.

Peter L. Bergen, *The Osama bin Laden I Know: An Oral History of al Qaeda's Leader* (New York: Free Press, 2006), 64–65.

11.

Bergen, *The Osama bin Laden I Know*, 63, 66–67.

12.

Bergen, *The Osama bin Laden I Know*, 93.

13.

Weaver, 2006.

14.

Brisard, Zarqawi, 17.

15.

Brisard, Zaraqawi, 21.

16.

Brisard, Zaraqawi, 21; Bergen, The Osama bin Laden I Know, 32.

17.

Weaver, 2006.

18.

يواقرزل ا ب عص م وبأ - سانلل ناي ب اذه YouTube video, 34:05, posted by ansaralshari3a, March 25, 2012, www.youtube.com/watch?v=EUrLMFautCI.

19.

Brisard, Zaraqawi, 22.

20.

Brisard, Zaraqawi, 23–24.

21.

Brisard, Zaraqawi, 24.

22.

“KSM trains at Sada camp,” GobaSecurity.org, last modified January 11, 2006, www.globalsecurity.org/security/

profiles/ksm_trains_at_sada_camp.htm; “Hambali trains at Sada camp,” GlobalSecurity.org, last modified January 11, 2006, www.globalsecurity.org/security/profiles/hambali_trains_at_sada_camp.htm.

23.

Napoleoni, *Insurgent Iraq*, 55.

24.

Brisard, *Zarqawi*, 28.

25.

Brisard, *Zarqawi*, 29.

26.

Brisard, *Zarqawi*, 36.

27.

Brisard, *Zarqawi*, 37.

28.

Jeffrey Gettleman, “Zarqawi’s Journey: From Dropout to Prisoner to Insurgent Leader,” *New York Times*, July 13, 2004, www.nytimes.com/2004/07/13/international/middleeast/13zarq.html

29.

Brisard, Zargawi, 226–27.

30.

Brisard, Zargawi, 39.

31.

Weaver, 2006.

32.

Napoleoni, Insurgent Iraq, 64–65.

33.

Brisard, Zargawi, 43.

34.

Weaver, 2006.

35.

Brisard, Zargawi, 48.

36.

Gettleman, 2004.

37.

Brisard, Zargawi, 48.

38.

Brisard, Zargawi, 48.

39.

Gettleman, 2004.

40.

Napoleoni, Insurgent Iraq, 70.

41.

Napoleoni, Insurgent Iraq, 75–76.

42.

Weaver, 2006.

43.

Bruce Riedel, *The Search for Al Qaeda: Its Leadership, Ideology, and Future* (Washington, D. C.: Brookings Institution Press, 2010), 93–94.

44.

Интервью с бывшим высокопоставленным офицером отдела по борьбе с терроризмом, декабрь 2014 г.

45.

Brisard, Zargawi, 57.

46.

Brisard, Zargawi, 59.

47.

Napoleoni, Insurgent Iraq, 97.

48.

Brisard, Zargawi, 67.

49.

Bryan Price, Dan Milton, Muhammad al-Ubaydi, and Nelly Lahoud, "The Group That Calls Itself a State: Understanding the Evolution and Challenges of the Islamic State," Combating Terrorism Center at West Point, December 16, 2014, www.ctc.usma.edu/posts/the-group-that-calls-itself-a-state-understanding-the-evolution-and-challenges-of-the-islamic-state.

50.

Bergen, The Osama bin Laden I Know, 197.

51.

Price et al., 2014.

52.

Brisard, Zarqawi, 71–72.

53.

“Tracking Al Qaeda in Iraq’s Zarqawi Interview With Ex-CIA Analyst Nada Bakos,” Musings on Iraq blog, June 30, 2014, musingsoniraq.blogspot.com/2014/06/tracking-al-qaeda-in-iraqs-zarqawi.html.

54.

Интервью с бывшим высокопоставленным офицером отдела по борьбе с терроризмом, декабрь 2014 г.

55.

Brisard, Zarqawi, 72.

56.

Weaver, 2006.

57.

Napoleoni, Insurgent Iraq, 125–26; Brisard, Zarqawi, 88.

58.

Napoleoni, Insurgent Iraq, 125–26; Weaver, 2006.

59.

Weaver, 2006.

60.

Napoleoni, Insurgent Iraq, 98–99; Weaver, 2006.

61.

Napoleoni, Insurgent Iraq, 98–99.

62.

Weaver, 2006.

63.

Brisard, Zarqawi, 77.

64.

Brisard, Zarqawi, 115.

65.

Napoleoni, Insurgent Iraq, 106–07; Brisard, Zarqawi, 115–16, 122.

66.

Napoleoni, Insurgent Iraq, 116–17.

67.

Интервью, взятое одним из авторов, декабрь 2014 г.

68.

Интервью, взятое одним из авторов, декабрь 2014 г.

69.

Napoleoni, *Insurgent Iraq*, 109.

70.

Napoleoni, *Insurgent Iraq*, 109.

71.

Price et al., 2014.